

РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Иванцова. Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002.

Выход в свет книги Екатерины Вадимовны Иванцовой – явление, на наш взгляд, весьма современное и своевременное.

Современное – так как в предмете, основной проблематике, методах исследования, представленных в монографии, ярко обнаруживаются проявления важнейшей тенденции современного российского языкознания: перенос основных исследовательских интересов с выяснения имманентных принципов устройства системы к характеристике способов действия этой системы, ее осуществления. Функционирование же языка не может мыслиться вне его субъекта, следствием чего является активнейшее вовлечение в лингвистическую проблематику человеческого фактора, т.е., и прежде всего, проблем явленности личности говорящего в актах речевого воплощения.

Своевременное – так как эта работа во всей многомерности ее проблематики, во всей совокупности выявленных аспектов анализа проявления языковой системы в дискурсе одного говорящего субъекта, как представляется, не могла появиться даже полвека, даже двадцать лет назад вследствие сосредоточенности языковедов этого периода на выявлении общих принципов устройства языковой системы, моделируемой как нечто объективное, от воли говорящего не зависящее.

Знаменательным нам представляется тот факт, что сама научная тема «языковая личность» в русистике возникла (что связывается прежде всего с именем Ю. Караулова) в аспекте типовом: первоначально была поставлена задача выявления типовой языковой личности, этнической, социальной и т.д. Монография же Е.В. Иванцовой находится в весьма немногочисленном ряду публикаций такого масштаба, представляющих результаты исследований отдельной, «рядовой» языковой личности, своеобразно преломляющей в речевой практике общезыковые, специфические (диалектные – в данном случае) и идеосистемные закономерности. При этом и в этом немногочисленном ряду работ монографическое исследование Е.В. Иванцовой занимает особое место в силу ряда причин.

Во-первых, почти уникален объект изучения в рецензируемой работе – дискурс рядового носителя русского языка, зафиксированный во всей полноте его жанровых разновидностей, форм речи.

Во-вторых, новизна определяется основной исследовательской линией рецензируемой монографии: в ней осуществлено последовательное проецирование общезыковых и регионально специфичных типов, единиц, моделей языка, выявленных в практике системоцентрических описаний русского национального языка и среднеобских говоров, а также особо – в говоре с. Вершинина, на речевую практику отдельного человека, рядового носителя русского национального языка, владеющего региональной формой его существования. Исследовательская логика повернута по отношению к так привычным нам работам системоцентрической ориентации в обратном направлении: если ранее текст отдельного автора (исключая работы по стилистике художественного текста) интересовал лингвиста постольку, поскольку в нем находили проявление общие закономерности, то теперь мы наблюдаем обратный ход, исследование особенностей реального, дискурсивного проявления общих закономерности в их индивидуальной, личностной окрашенности. И таким образом моделируется некий слепок языковой системы в индивиду-

альном языковом сознании и речепроизводстве.

Весьма важным нам представляется воплощенный в работе Е.В. Иванцовой принцип системной полноты описания, что принципиально отличает ее от интересной, заслуживающей внимания работы В.Д. Лютиковой «Языковая личность: идиолект и диалект», в значительной мере пересекающейся по предмету исследования с рецензируемой работой, но выстраивающейся на методологических установках диалектной дифференциальности.

Исследовательские проекты, выстраиваемые на основе методологически важного принципа системной полноты представления дискурсивной практики, могут базироваться только на долговременных научных наблюдениях, многолетнем кропотливом собирании материала. В данном случае мы имеем дело с результатом двадцатилетнего наблюдения и описания языкового существования рядового носителя языка, удивительной интересной языковой личности Веры Прокофьевны Вершининой, а следовательно, мы наблюдаем воплощение исследовательской идеи по крайней мере двадцатилетней давности, уловленной на волне только зарождавшейся научной традиции. Введение в научный оборот объемнейшего материала дискурса В.П. Вершининой (10 тыс. печатных страниц текста, более 200 часов звучания фонотеки), полученного методом «включения в языковое существование говорящего» в результате двадцатилетней работы коллектива диалектологов во главе с автором монографии, методом, который может реализовываться только в особых условиях длительного общения, является само по себе событием научной жизни и создает особое качество работы, базирующейся на уникальной эмпирической основе.

Но исследование языковой личности в аспекте проявления в ее речевой практике *всеобщего, особенного и единичного* не было бы возможным без привлечения языкового материала других планов. Сам выбор в качестве объекта описания дискурса носителя социально ограниченной формы национального языка – диалекта – предопределил необходимость привлечения дополнительного материала, диалектного, просторечного и литературного. Этот эмпирический материал, хотя и является вспомогательным, но играет весьма существенную роль в архитектонике выстраиваемого образа языковой личности Веры Прокофьевны Вершининой. Второй корпус материала, на котором базируется работа Е.В. Иванцовой, – это речевые проведения носителей говора, среда непосредственного языкового существования изучаемой языковой личности. В данном случае Е.В. Иванцова опирается на материалы картотек уникальных «Полного словаря сибирского говора», «Вершининского словаря» и др., на рукописные источники, магнитофонные записи, в создании которых она также принимала участие, отражающих языковую систему одного из самых изученных в отечественной диалектологии говоров, изученного и представленного в названных источниках с теоретических позиций полноты (недифференциальности) описания. Третий круг привлекаемого к анализу материала, прежде всего по цитируемым в работе источникам – материал русского литературного языка и просторечия, позволяющий высказывать предположения об универсальности определенных черт исследуемой языковой личности.

Подобная иерархия привлеченного к анализу языкового (речевого) материала может быть проинтерпретирована в терминах, принятых в современной когнитивной лингвистике, как соотношение «фона» и «фигуры»: диалектный и литературный материал выступает в работе в виде некоего фона, на котором более ярко прорисовывается своеобразие «фигуры» языковой личности Веры Прокофьевны Вершининой.

Фундаментальность рецензируемой работы определяется и ее фактическим соответствием названию «Феномен диалектной языковой личности», реализованным в ней принципом полноты описания дискурса языковой личности с позиций реализации в нем общеязыковых системных закономерностей. Разумеется, ника-

кое единичное исследование не может охватить объект во всей полноте его проявлений. Но Екатерина Вадимовна в работе пошла по, может быть, наиболее верному пути: представив краткую, но емкую характеристику дискурса по принятым в языкознании уровневым срезам, охарактеризовав фонетические, морфологические, формально-синтаксические особенности, дав оценку жанровой палитры дискурса В.П. Вершининой, основное внимание сосредоточила на трех, наиболее ярко выявляющих особенности ЯЛ, аспектах: *лексике, тексте, языковом сознании*.

Лексическая подсистема идиолекта В.П. Вершининой характеризуется практически по всем параметрам системного и социолингвистического аспектов, выработанных в описательной лексикологии: классификации на основе соотносительности лексики с формами национального языка, принадлежности к различным классам в аспекте языковой динамики, стилевой и экспрессивной спецификации словарного запаса информанта дополняются выявлением сфер формального и смыслового варьирования, синонимии и антонимии.

За перечислением лексических типов, классов, выделяемых на разных основаниях, вырастает образ лексических предпочтений, индивидуального воплощения возможностей, предоставляемых языковой системой, предпочтений, предопределяемых как внешнесоциальными причинами (время, место рождения, тип воспитания и образования, образ жизни), так и внутренними психологическими факторами, не так уж однозначно соотносимых с внешними. Эти черты по-разному преломляются в разного рода группировках, формируя целостную модель лексикона, отражающую специфику мировидения В.П. Вершининой. Так, например, особый тип эмоциональности речи Веры Прокофьевны, ярко прорисованный в разделе «Экспрессивная лексика», дополняется, высвечиваясь из других перспектив, в разделах, посвященных выделению системных группировок лексики, классам полисемичных слов, синонимии, антонимии и подобного. И как кульминация развития образа лексикона, формируемого в первой главе, появляется раздел, посвященный идеографической организации словарного запаса исследуемой языковой личности.

Логика развертывания текста монографии – это не только экстенсивное развитие, включение в анализ феномена языковой личности все новых аспектов ее языкового существования, но и интенсификация образа, его своеобразная гуманизация, что проявляется и в своеобразном переходе от аналитической системы описания в первой главе ко все более функциональному, синтезирующему, коммуникативному, объяснительному подходу во второй главе, посвященной особенностям текстостроения, тем более в третьей, в которой интерпретируется метаязыковое сознание языковой личности. При этом, на наш взгляд, работа на всем протяжении своего развития сохраняет ярко выраженную лексикологическую ориентацию.

Следует подчеркнуть, что особые качества многомерности, объемности создаваемого в работе портрета языковой личности создаются не только за счет многопризнаковости аспектов анализа, но и благодаря последовательно проведенному сравнительному анализу. Екатерина Вадимовна не упускает ни единой возможности сравнения выделенного ей в идиолекте Веры Прокофьевны Вершининой какого-либо языкового явления (его системного положения, свойств, функций) с таковыми же в системе языка вообще, в системе вершининского говора, в идиолектах других личностей, если данные о таковых имеются в лингвистической литературе.

Вообще представляется, что успех исследования Е.В. Иванцовой, представленный в рецензируемой монографии, во многом предопределен не только ее уникальным исследовательским даром кропотливого последовательного собирания материала, даром классификатора и интерпретатора, но и ее принадлежностью к

томской диалектологической школе, возможностью опереться на систему уникальных теоретических и лексикографических разработок. Особенно ярко это проявляется в главе, представляющей идею, исходные теоретические основания, методологические и методические принципы издающегося в настоящее время «Полного словаря диалектной личности». Будучи воспитана в Томской диалектологической (лексикологической и лексикографической) школе, приняв участие не в одном лексикографическом проекте, Екатерина Вадимовна в данном случае выступает как сложившийся, опытный, творчески развивающий традицию лексикограф, способный ставить и воплощать новаторские лексикографические задачи.

И еще одно качество монографии Е.В. Иванцовой хотелось бы отметить – ее особую теоретическую «прозрачность»: принятая в работе система представления языковой личности потребовала от автора вторжения в огромное количество теоретических построений, касающихся всех уровней языковой системы, проблем текстообразования, лексикографии и т.д. В условиях многовариантности теоретических толкований многих единиц, отношений, признаков автор рецензируемой работы следует по единственно правильному, на наш взгляд, пути: не вступая в обсуждение существующих вариантов толкования, четко формулирует собственное понимание явления и в дальнейшем последовательно его использует.

Заключая отзывы, подчеркнем, что каждая из глав, направленная на решение частных задач, представляя отдельные срезы языкового существования В.П. Вершининой, в совокупности воплощают конечную цель, создают целостный образ личности, воплощенной, проявившейся в языке, и одновременно – образ современного русского языка (в его региональном варианте), преломленный сквозь призму отдельной личности, и в этом мы усматриваем основное значение рецензируемой работы.

И вместе с тем это работа, обнаруживающая значительнейшие перспективы: ее можно рассматривать и как некий плацдарм, основание для появления серии работ, прежде всего самого автора и ее непосредственных учеников, базирующихся на результатах исследований, представленных в монографии Екатерины Вадимовны и дополняющих, по-новому их аспектирующих. Монография Е.В. Иванцовой может быть отнесена к разряду аналитико-описательных, можно ожидать появления работ интерпретационно-объяснительных, функционалистских; для данного исследования характерна явно выраженная лексикологическая направленность, можно и нужно ожидать работ, представляющих синтаксическую, грамматическую организацию дискурса и т.д.

З.И. Резанова

Томский государственный университет

* * *

Опыт интерпретации: Л.П. Якимова. Мотивная структура романа Л. Леонова «Пирамида». Новосибирск, 2003.

В Сибири написана и издана работа о последнем романе Л. Леонова, писателя, совпавшего границами творческой жизни с рождением и распадом советского государства. От публикаций в начале 1920-х годов философской орнаментальной прозы (рассказов, написанных в 1922 году), заставившей говорить о молодом писателе как о явлении не столько советской, сколько русской литературы, до публикации романа «Пирамида» в 1994 году, в период эйфории по поводу падения советского Вавилона, Леонов объявлялся то певцом социалистической цивилизации, то выразителем национального духа, сопротивлявшегося социальному эксперименту, то одиозной архаической фигурой, не способной понять спасительных либеральных идей. Леонов табуирован для современного исследователя не только

статусом советского классика, конъюнктурного, ангажированного господствующими идеями, но мощным традиционализмом его эстетики, противостоянием игровой концепции искусства, утверждением познавательной и учительной миссии литературы. Ироническое отношение к авторитету писателя-мыслителя (вспомним саркастическое ВПЗР, Великий Писатель Земли Русской, относящееся не только к имитирующим русских классиков советским писателям, но к модели русского писателя как выразителя духовных ценностей нации), утривание пушкинского определения поэзии как «должной быть глуповатой», проявляется и в обвинении Леонова в графоманстве, в эклектике, не достойной серьезного изучения. Исследование Л.П. Якимовой выделяется из общей направленности современного литературоведения прочь от культуры советского периода, если она не принадлежит андеграунду. Появившаяся книга – первая попытка монографической интерпретации романа, обобщения тонкого слоя научного изучения романа, предпринимаемого леоноведами.

Главная задача первого научного исследования – предложить художественные коды для прочтения художественного текста. Л. Якимова выделяет первоэлементы художественной системы Леонова: ключевые образы-символы, соединяющие и отражение реальности (поскольку Леонов не создавал субъективный мир, а познавал окружающее бытие как объективно существующее), и авторское означение реальности, определение смыслов реальности. Принцип выделения таких образов-символов – их повторяемость в романе «Пирамида» и во всем пространстве прозы писателя, так обнаруживаются «персональные мотивы» Леонова, выстраивающие художественную модель реальности. Творчество Леонова замечательно иллюстрирует кассиреровское толкование искусства как символической формы, призванной сотворить «картину мира» с опорой на образы эмпирической реальности, используемые в метафорическом, иносказательном значении. Леонов по природе таланта направлен на актуализацию дополнительных (коннотативных) значений слов, на иносказание, что позволяло ему проходить сквозь идеологическую культуру, но что делает проблематичным прочтение его текстов. Леонов, как это показано в работе Л. Якимовой, вскрывает множество смыслов, окаменевших в слове, образе, сюжете за их многовековую жизнь в человеческой культуре, достигая объемного смысла, скрытого для непосвященного и непросвященного, сотворяя тайну, «энigmatу», как любит выражаться автор рецензируемой работы.

Следующий этап – соотнесение леоновских символов с контекстом русской и мировой культуры, восстановление ассоциативного пространства, не сводимого к интертекстуальности, поскольку леоновские аллюзии не всегда связаны с цитированием, но часто отсылают к знанию общей ситуации или даже к общей трактовке какого-либо культурного или исторического явления. Не игра смыслами, а взаимопроверка смыслов: как собственных, авторских, так и устоявшихся, авторитетных, превратившихся почти в концепты. Исследование его романа показывает истинный диалогизм мышления художника XX века, не только выстраивание образа мира, но и перебирание разных картин мира, разных версий бытия, предложенных искусством и культурой (античной, христианской, ренессансной, современной).

Третий этап разгадывания символов Леонова – выявление их генетической, архаической (архетипической) основы, поскольку архаический, неотрефлексированный смысл образов проявляет чувство бытия, должное корректировать рациональные построения.

Монография Л. Якимовой названа «Мотивная структура» романа «Пирамида», но менее всего это структуралистское исследование, предполагающее формализацию и моделирование первичного текста. Читатель обнаружит прежде всего герменевтическое исследование, то есть интерпретацию важнейших мотивов романа, а их вписывание в контекст развивающейся художественной системы Лео-

нова обнаруживает пристрастие автора работы историко-генетическим и традиционным историко-литературным методам исследования: отыскание источников ключевых мотивов, фиксация их трансформации в художественном мире писателя. Близкий и дальний контекст (литература XX века от Джойса до Липскерова, мировая культура от архаических мифологий до марксистской мифологии) не только маркированы и прокомментированы автором работы, но порождают «расшифровки» леоновских смыслов, выстраивают трактовку философских идей романа.

Интерпретации подвергнуты пространственные образы-символы (башня и пирамида, бездна, перевернутость мира), мировые сюжеты договора с дьяволом и блудного сына, образы-состояния контакта человека с мирозданием (чудо, откровение), числовая символика. Как видно из перечня, термин «мотив» в работе понимается широко, не только как единица сюжета, повествовательно закрепляющая повторяющуюся ситуацию взаимодействия человека с реальностью (мотив договора с дьяволом), но и как повторяющееся «семантическое пятно», образ, воплощающий комплекс значений (образ башни). Расширительное использование терминов проистекает из материала: Леонов «работает» как с устойчивыми образами-символами, так и с комплексом повествовательных конструкций (сюжетов, когда логика повествования переворачивает первоначальную семантику образа).

Вряд ли можно говорить, что в работе смоделирована «структура», то есть инвариантная модель леоновских мотивов, скорее работа убеждает в наличии «клубка мотивов», в их перекличке, исследователь показал, как «работают» разные слои художественной ткани, создавая внутреннюю коррекцию смыслов. Несомненно, однако, одно: выделенные мотивы действительно важнейшие, хотя и не самодостаточные, что отчетливо понимает и исследователь, выходя в процессе герменевтического прочитывания романа к множеству мотивных ответвлений, сопутствующим символам; конкретная же интерпретация символов-мотивов интересна, убедительна (пожалуй, кроме десятой главы о «секретном значении чисел» в романе).

Литературоведчески точно в работе представлены разные способы авторской саморефлексии: внутритекстовые, что представлены текстами персонажей, героев-идеологов, выходящих за границы своего эмпирического существования в пространство бытия и культуры; межтекстовые, делающими и речь персонажей, и повествовательное слово наполненными авторскими знаками-цитатами, комментирующими буквальный смысл изображаемого; метатекстовые, когда в нарративное пространство вторгается, нарушая иллюзию реальности, комментарий автора-творца, или персонаж становится комментатором текстовой реальности (структура текста о тексте). Введение в научное обсуждение проблем поэтики, художественного кода, законов образного языка Л. Леонова представляется важным не только для леоноведения, стоящего перед необходимостью подняться над идеологическим отношением к сложному писателю XX века. Работа Л. Якимовой – аргумент для возражения тем литературоведам, которые сложную текстовую структуру приписывают только постмодернистскому искусству, порвавшему с миметизмом и поиском смыслообразующих ценностей. В монографии о Леонове доказано, что вся совокупность приемов построения текста (разрушение границ текстовой реальности, интертекстуальность, ирония, мениппейность и т.д.) обнаруживаются в художественном произведении, направленном на поиск картины мира, на истинные смыслы, то есть реалистическая эстетика владеет всем арсеналом художественного языка современного искусства.

Конечной целью интерпретации мотивов романа стало выявление леоновской картины мира, его гуманизма, философии истории, онтологии. Леонов предстает в исследовании писателем XX века, века торжества самоуверенности человека и века подтвержденного историей скептицизма, кризиса веры в челове-

ка. Мысль о еретическом мышлении Леонова еще раз нашла подтверждение в монографии: писатель не адепт какой-то одной системы мышления, а носитель ищущего сознания, соотносящего возможные версии бытия. Леонов проверяет на истинность религиозные версии, в том числе и христианскую (его биографическая приобщенность к православию не отменяет его художнической свободы в поиске бытийных ценностей), разные философские системы, разные идеологии, потому что Леонов предполагает наличие объективного бытия и его высшей трансцендентной сущности. Позиция понимания и скептической проверки делает многомерным и полифоничным его художественный мир, не игровой, а серьезный, эзотеричный.

Вписывая систему леоновских представлений о мире в философскую традицию, Л. Якимов справедливо выделяет сходство Леонова с философией русского космизма, с его универсализмом, эволюционностью и гуманизмом. Апокрифическая версия Леонова, признавая трансцендентность замысла, отводит человеку решающую миссию в совершенствовании природного бытия и собственной сущности. Космизм, как это показано в монографии, корректирует оценку природности человека христианством (и иудаизмом) как проклятия несовершенством. Генетическая связь с универсальным бытием делает человека потенциально способным к исполнению замысла Творца быть проявлением эволюционного развития космоса (в рецензируемой работе дается трактовка апокрифа Еноха о том, что человек создан «как промежуточная рабочая ипостась между собою и ангелами с подчинением последних человеку»).

Леонов представляет бытие не как результат, а как процесс, и его эволюционизм выводит существование человека из абсурда, но при этом существование человека лишается абсолютной свободы, обретает долженствование. Гуманизм Леонова абсолютен – человек не исполнитель Воли, а реализующий Замысел бытия, сотворец бытия. Вот почему Леонов, как многие художники XX века, пережил интерес к гигантским коммунистическим проектам, где человек объявлялся творцом, но уже в 1920-е годы Леонов подверг скептической оценке не только не творческую философию «мелкого человека», требующего сострадания к своему бессмысленному существованию, но и философию свободы человека-творца, по Марксу, способному перейти из царства необходимости в царство свободы. Свобода человека, по Леонову, ограничена его онтологией, пространством его космического происхождения, и самоуверенность человека становится губительной для онтологии, для самого человека. Как показано Л. Якимовой, «роман-наваждение» свидетельствует не о политическом споре с советской цивилизацией, но принципиальном расхождении Леонова с позитивистскими ценностями современной цивилизации, с сомнениями в праве человека на свободу сотворения реальности, не скорректированной всебытием. Предназначенный быть субъектом эволюции, человек стал субъектом эсхатологии, творцом конца. Роман написан не только о «наваждении» человечества, прежде всего русских, но и как «откровение» писателя о конце, которое не отменяет веру в то, что человек имел космическую миссию и мог совершенствовать свою человеческую природу для осуществления замысла (доказательство нетотальности пессимизма Леонова можно найти в 8 главе, хотя здесь акцентированы, скорее, христианские, нежели онтологические, «космические» представления Леонова).

Гуманизм Леонова абсолютен, писатель не делает трансцендентную силу (Сатану) причиной совращения человека, вина ложится на самого человека, ставшего блудным сыном бытия. Такой гуманизм напрочь расходится с современными представлениями о тотальной несвободе человека не то что от реальности, но от метатекстов, создаваемых самим человеком, такие представления снимают с человека ответственность за собственное существование, вот почему леоновская проза непопулярна в период преодоления социальной несвободы. Разделяя мысль

о более глубоком споре Леонова с современной цивилизацией, нежели опровержение русского тоталитаризма, скажем, что цель восстановления интереса к роману Леонова наложила печать на научное исследование, автор рецензируемой работы, по собственному признанию, «с трудом преодолевает завораживающую магию леоновского текста» (с. 48), допуская избыточные оценочные пиететные заклипания о сложности, глубине и многозначности классика XX века, что более убедительно демонстрируют герменевтические опыты филолога. Более того, избыточная метафористика врывается в стиль научного текста, отвлекая от итогов филологических построений: «...убеждаешься в том, как напряженно бьется авторская мысль о диалектический гранит неизбывно-первородных противоречий бытия, с каким неодолимым упорством ищет он для человека выход из тупика земной западни, пророчески предупреждая при этом, что время уже на исходе...» (с. 48).

Первая попытка интерпретации романа всегда беззащитна перед дальнейшими, учитывающими пробелы первого, исследованиями. Но несомненно, что монография о художественном завещании XX века задает высокую планку для последующего научного изучения.

Т.Л. Рыбальченко

Томский государственный университет

* * *

Областной словарь Кузбасса / Под ред. Э.В. Васильевой. Авторы-составители: В.П. Васильев, Э.В. Васильева, М.Ф. Вейкум, Л.П. Грунина, С.В. Журавлёва, М.В. Орёл, Т.Г. Рабенко. Кемерово, 2001. Вып. 1: А – Б.¹

«Областной словарь Кузбасса» относится к лексикографическим работам, продолжающим традиции академической и вузовской русистики, в том числе Томской диалектологической школы. При составлении Словаря его авторы опирались на богатый опыт отечественной лексикографии – личный и общий, включая опыт, отраженный в словаре русских старожильческих говоров Кузбасса, вышедшем в свет в 1976 г. под редакцией Н.В. Жураковской и О.А. Любимовой.

Изданию «Областного словаря Кузбасса» предшествовало изучение народных говоров Кемеровской области на протяжении четверти века (1975-2000 г.). Словарь с точки зрения временных характеристик современный и синхронический. Он включает в себя лексико-фразеологические единицы типичного диалекта Кузбасса: говоров Крапивинского района, репрезентирующих реальное языковое сознание исторически единого социума второй половины XX века. По другим типовым параметрам «Областной словарь Кузбасса» – дифференциальный, общий, толковый, алфавитный сплошной, прямой.

Несомненным достоинством Словаря является богатство его словника, который значительно шире словников вышедших в свет дифференциальных словарей Среднего Приобья на отрезок А – Б, что обусловлено ориентацией авторов обсуждаемой работы на фиксацию народно-разговорной речи не только носителей русских старожильческих говоров, но и русских говоров, сформированных на другой генетической основе.

Кроме названных признаков, рецензируемый Словарь имеет еще целый ряд особенностей. Прежде всего, следует отметить относительную независимость и самодостаточность первого выпуска Словаря, объединяющего 3806 единиц. Как отмечается в предисловии, малый алфавитный отрезок в рамках одного выпуска не мешает представить лексику говоров в ее естественном объеме, поскольку в обширном иллюстративном материале отражается значительная часть словарного

¹ Рецензия выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 03–04–00427 а/Г).

богатства края.

Самодостаточность обеспечивается и другой особенностью «Областного словаря Кузбасса» – системностью, не только декларируемой, но и практически воплощенной. Словарь, составленный в результате предварительного исследования системно-структурной организации группы сибирских говоров, демонстрирует разветвленную сеть связей и отношений между диалектными единицами. В силу устного бытования диалектное слово в большей степени, чем литературное слово, характеризуется диффузной семантикой и нечеткой формальной (звуковой) границей. Поэтому представить его, с одной стороны, как автономную сущность, с другой – как образование, находящееся в многочисленных связях с другими образованиями, – сложная лексикографическая задача. Эта задача, наряду с другими задачами, успешно решена авторами «Областного словаря Кузбасса».

Сильной стороной данной работы является качественность семантической трактовки лексических образований. При раскрытии значения слова последовательно соблюдаются принципы и правила, изложенные в теоретической части Словаря: диалектная единица определяется не только с точки зрения логико-предметной соотнесенности ее семантики, но и в своих системных связях. Представление семантики осуществляется на уровне дефиниции и продолжается в других компонентах словарной статьи, главным образом в иллюстративной – текстовой и метатекстовой – зоне, отражающей разнообразие зафиксированной сочетаемости и тем самым удостоверяющей семантический потенциал слова. См., например, следующий фрагмент «Областного словаря Кузбасса»:

БаСКИЙ, ая, ое и БАСКОЙ, ая, ое. 1. *Приятный на вид, красивый.* То же, что АККУРАТНЫЙ (в 4 знач.). – Ленты шёлковы были такие всякие: розовые, синие, красные. Баские всякие были (Берд.). А как же! Мы говорили о хорошем, о баском, что глянется. Когда и шибко что-то поглянется (Тар.). Баские не говорили, а говорили баски, когда красивые, хорошие, новые. Новые ботиночки – баски (Крап.). Ой, час: «Какой красивый товар». А тогда: «Какой баский товар» (Долг.). Ой, кака баска юбка или там платье. Ну глянется, нравится. И счас ешшо говорят (Перех.). Ой, како платье-то баско на ей! Красивое, ага. Раньше, видишь, сибиряки, те были. Сейчас – красивое да хорошее говорят, а раньше баско, баско (Крап.). Баское платте, баское. Ага, баское. Платок баской (Крап.). ~ Арс. Бан. Берд. Долг. Зелен. Иван. Ключи. Крап. Перех. Плотн. Попер. Сар. Тар. Шев.

// *Имеющий привлекательные черты лица; красивый.* – Ой, какой жених-то. Ну, допустим, вот молодёжь раньше, женихи же сватались же ездили. Часто сами по себе как-то, а раньше сватаются ездют. Ой-ой-ой-ой! Дева, да какой гладкий-то он, да баской-то какой-то жених-то, да высокий ростом. Это старушонки начнут рассусоливать (Крап.). Говорили токо: «Ой, какой баской или баская. Вот парочка идёт» (Крап.). ~ Бор. Крап. Иван. Перех.

2. *Обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению; хороший.* – Мешки-то баские получились, хорошие очень (Скар.). Мы хвост лошади не стригём, а вот тут хорошо кто-то хвост урезал, фулиганит, напакостили. А лошадь у нас-то хороша. Я ешшо её баска зову... (Тар.). ~ Бан. Скар. Тар.

Окружение заглавных единиц другими родственными словами (БаСЕНЬКИЙ, БАСКОНЬКИЙ, БАСКО) и толкование их путем соотнесения друг с другом способствуют показу специфики русского языка, или, как писал В.И. Даль, юбилею которого посвящен рассматриваемый Словарь, выражению духа русского языка.

Свидетельством достоинств «Областного словаря Кузбасса» является также высокий лексикографический уровень интерпретации формального варьирования слова – видоизменения слова в плане выражения, одного из самых трудных для словарной параметризации феномена народно-разговорной речи.

Длительное изучение говоров Кузбасса позволило авторам Словаря, во-первых, выявить значительное количество слов, подверженных формальной модификации, во-вторых, установить большой диапазон колебания внешней стороны некоторых групп слов: БЕРЕЖНИЧИЙ – БЕРЕЖНИЧИЙ – БЕРЕГОВОЙ – БЕРЕЖНОЙ – БЕРЕЖНЫЙ – БЕРЕЖНИК «рыболов, тянущий за верёвку невод вдоль берега реки»; БЕРЕСТОВЫЙ – БЕРЕСТЕННЫЙ – БЕРЕСТНОЙ – БЕРЕСТНЫЙ – БЕРЕСТЯНОЙ – БЕРЕСТЯНЫЙ – БЕРЕСТЯНЫЙ «сделанный из берёсты» и др. Отдельные вариантные ряды состоят из нескольких десятков единиц (см., например, словарные статьи БРЮЦЕЛЛЁЗ «бруцеллёз», БАЗАМИН «бальзамин»).

Точная ареальная атрибуция не позволяет смешивать микросистемную и макросистемную вариантность слова (см., например: АМБАРНО – Крап. и АМБАРНОМ – Крап. «с двускатной крышей»; БЕРДА – Крап. и БЕРДЯНКА – Бор. «берданка»).

Формальные варианты слова разных типов и видов – фонематические, лексико-грамматические, «словообразовательные» и другие (смешанного характера) – помещаются в разные словарные статьи (см., например: БАБУШНИЧАТЬ – БАУШНИЧАТЬ – БАБИТЬСЯ «заниматься ремеслом повивальной бабки», АЛЮМЕНЕВЫЙ – АЛЮМИНОВЫЙ «сделанный из алюминия; алюминиевый»). Исключения составляют лишь акцентные модификации слова: АНБАРУШКА – АНБАРУШКА «небольшая хозяйственная постройка во дворе или пристроенная к дому», БЕРЕЖНИЧАТЬ – БЕРЕЖНИЧАТЬ «тянуть за верёвку невод, идя по берегу реки» и т.п. Нахождение лексических форм слова в рамках одной словарной статьи или в разных словарных статьях не является в «Областном словаре Кузбасса» принципиальным моментом, поскольку при каждой описываемой единице дается исчерпывающий перечень системно связанных с ней единиц. Отсылочный способ показа взаимосвязи лексических образований, а также семантизация при помощи одного и того же литературного эквивалента позволяет читателю ориентироваться самостоятельно. При этом авторы Словаря не дифференцируют варианты слова и синонимы. См., например: БЕЗДОМНЫЙ, ая, ое. *Такой, который не занимается никаким делом, любит слоняться, болтаться.* То же, что БЕЗДОМОВЫЙ (во 2 знач.), БЛУДНЫЙ (в 3 знач.), БЛУКАВЫЙ. Если единица вступает в разные виды системных отношений, в микрокомпозиции Словаря соблюдается определенный порядок расположения отсылок: на первое место помещаются семантически тождественные единицы, далее единицы, пребывающие в отношениях семантической аналогии, затем единицы, иллюстрирующие семантико-грамматическую соотнесенность. Такой подход в условиях теоретической неопределенности проблемы тождества слова представляется эффективным. Особенно тщательно описывается лексикографами несовпадение формального и лексико-семантического варьирования слова (см., например: БЕЛКИ, мн. *Горные вершины, покрытые снегом в течение всего года.* То же, что 1. БЕЛЫШ (в 3 знач.) // *Снег, остающийся лежать в горах летом.*

В корпусе «Областного словаря Кузбасса» содержится обширная информация о функциональных особенностях как варьирующихся, так и неварьирующихся единиц: об эмоционально-экспрессивной окраске (см., например: БУРАНИНА и БУРАНИНА, ы, ж. Экспр. *Сильный буран. 2. Буранная погода.* БОЛЕ БРЮХА (ЕСТЬ). Неодобр. *Очень много, превышая нужное количество (есть).* Ср. БОЛЕ БРЮХА (СЪЕСТЬ), БОЛЕ ГЛАЗ (НАЕСТЬСЯ), БОЛЬШЕ ГЛАЗ (НАЕСТЬСЯ), БОЛЬШЕ ПУЗА (СЪЕСТЬ); о темпоральной маркированности (см., например: АВДОКЕЯ–КАПЕЛЬНИЦА. Устар. *В христианской традиции – день памяти святой Евдокии, отмечаемый в начале весны и совпадающий с началом таяния снегов*) и др.

Выгодно отличает Словарь и его богатая иллюстративная часть, щедро представляющая не только контексты употребления заглавного слова и словосочета-

ния, но и вводящая в научный оборот «алмазные россыпи» народно-разговорной речи, так контрастирующие с явлением в современной бытовой речи, метко названным В.П. Астафьевым «тюремно-лагерно-ссылным сленгом». Словарь убедительно демонстрирует читателю «разговорный язык простого народа», которым восхищался А.С. Пушкин, тем самым свидетельствуя, что этот язык жив и «достойн глубочайших исследований».

Народное слово предстает в «Областном словаре Кузбасса» метким и выразительным: АБАЖУР «куполообразный металлический остов свода глинобитной русской печи», аНГЕЛЬСКАЯ ЗИМА «мягкая, с небольшими морозами зима», БАБЬЯ КРАСОТА «ромашка», БЕЛОГЛАЗКА «сорт картофеля», БЕЛЫМ СВЕТОМ КРЫТЫЙ «без крыши», БЕЛЯКИ «берёзовые дрова», БЕСИВО «белена чёрная», БОКОГРЕВ и БОКОГРЕЙ «первое весеннее тепло», БУТЫЛЯ «галифе» и многие др.

Словарь настолько тщательно выполнен, что дает мало поводов для критических замечаний. Возникшие замечания носят частный характер, например: 1) представляется излишним при вариантах, дублетах, имеющих отсылку то же, что ... и находящимся рядом или в непосредственной близости с исходным словом и словосочетанием, повторять каждый раз толкование значения; см.: АЗИАТСКИЙ КОВШИК (с. 36), АМБАРУШКА (с. 44), БРЮШНОЕ ОКНО, БРЮШИННОЕ ОКОШКО (с. 330) и т.п.; 2) имеются редкие технические погрешности: не выделены жирным шрифтом ударные слоги стяжённых форм прилагательных и глаголов, а также некоторых других диалектных форм слов (с. 49, 375).

Рецензируемый Словарь имеет большое научное и практическое значение. Он полезен для новых изысканий в сфере общей и диалектной, современной и исторической лексикологии. Отражая духовный, социальный, культурный опыт русского народа, «Областной словарь Кузбасса» представляет собой бесценный источник для самых разнообразных исследований – лингвогеографических, лингвокультурологических, социолингвистических, этнолингвистических, краеведческих и т.п.

О.И. Блинова

Томский государственный университет,

З.М. Богословская

Томский государственный политехнический университет

* * *

Г.А. Турбин, С.Г. Шулежкова. Старославянский язык: Учебное пособие. М., 2002.

Рецензируемое пособие вышло четвертым изданием и рекомендовано Министерством образования РФ для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература». Это пособие отражает основные разделы курса, но материал дан весьма конспективно. Показательна здесь и позиция самих авторов: часто в «Вопросах для самоконтроля» они обращаются к уже существующим учебникам и пособиям, тем самым, отводя своей книге роль краткого изложения материала, которое можно понимать и как введение в дисциплину, и как повторение уже изученного. Я в целом оценил бы это пособие положительно, хотя бы потому, что студентам для повторения материала перед экзаменом необходимо конспективное руководство, но, к сожалению, книга не лишена серьезных недостатков.

И самым главным замечанием является то, что достижения в области славянских исследований игнорируются с удивительной последовательностью.

Характеристика старославянских рукописей дана так, как будто бы в палеославистике не было последних пятидесяти лет. Казалось, давно бы пора уже вос-

принять хотя бы внешние результаты того научного подвига, который сделала Л.П. Жуковская [Жуковская, 1976], например, разграничить на уровне понятий и терминов *памятники* и *списки* (ср. утверждение на с. 19, что палимпсест – это памятник). Во вводной части нужно было бы рассказать и о изводах церковнославянского языка (разграничив предварительно терминологически *извод* и *редакцию*), иначе непонятным остается упоминание Остромирова Евангелия среди старославянских «памятников» и достаточно регулярное обращение к фактам современного русского языка.

Относится сказанное и к параграфу «Из истории изучения старославянского языка» (с. 37-39). Вторая половина XX в. отмечена здесь лишь двумя словарями (изданным Академией наук ЧССР и созданным на его основе русским вариантом 1994 г.). При всем благоговении перед трудом составителей *Slovník’a jazyka staroslověnského*, не могу не задать вопрос, а как же быть с исследованиями Л.П. Жуковской, Е.М. Верещагина, А.А. Алексеева и др.? Если для авторов пособия история палеославистики сводится к краткой истории создания учебников по старославянскому языку, то тогда соответствующим образом и нужно было назвать этот параграф.

Логика изложения иногда оставляет желать лучшего. Так, на с. 11 авторы приводят 863 г. как год начала Моравской миссии и при этом подчеркивают: «Недаром ежегодно 24 мая, в день памяти святых Кирилла и Мефодия, отмечается праздник славянской письменности и культуры...». Эти две даты имеют самостоятельное значение и не связаны друг с другом напрямую. И, наверное, уж если и приводить вторую дату, то излишним было бы сказать о том, что в основе своей это церковный праздник – Память свв. Кирилла и Мефодия. Наследием советской эпохи следует считать повторение вторичных истин вроде той, что Кирилл и Мефодий – создатели первого литературного языка славян. Этот язык не был целью просветительской деятельности Солунских братьев, а лишь средством, и Просветителями они названы не потому, что создали грамоту, но потому, что просвещали светом Христовой веры.

Говоря о двух азбуках, авторы должны были, на мой взгляд, изложить материал так, чтобы у пользующихся пособием сформировалось четкое представление, что в большинстве своем то, что пишется о соотношении глаголицы и кириллицы, относится к области мнений, но никак не результатов научных исследований. Последних немного, но они, например, есть у Г.М. Прохорова [Прохоров, 1992], хотя, на мой взгляд, и не являются бесспорными, более того, часто они дискуссионны. Однако это точка зрения ученого, и упоминание данного исследования оживило бы пособие и вывело его на более современный уровень. И уж, конечно, совершенно необходимо было упомянуть о миссионерском характере глаголицы и о ее фонологической сути.

О связях старославянского с греческим говорится лишь то, что «древний литературный язык славян подвергся сильному влиянию греческого литературного языка» (с. 4), чуть далее приводится несколько слов, заимствованных из греческого (с. 8). Неужели четкое представление о том, что старославянский по сути своей является языком-калькой с греческого, умалит его значение? Вряд ли А.С. Пушкина можно упрекнуть в отсутствии патриотизма, а ему принадлежат замечательные слова: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизилась, и

такова стихия, данная нам для сообщения своих мыслей» [Пушкин, 1958, с. 27].

Хотелось бы поподробнее узнать, что имеют в виду авторы, когда пишут о мягких вариантах заднеязычных лабиализованных согласных в индоевропейском праязыке g^u , k^u (см. с. 49). Наверное, нужно было бы и упорядочить используемую терминологию, ср. «закон первой палатализации» (с. 92) и «третий закон палатализации» (с. 95).

Особо хотел бы отметить одну, на мой взгляд, грубую неточность, которая часто встречается в учебниках старославянского языка. Речь идет о так называемых тематических суффиксах, которых «было несколько: 5 представляли собой гласные, иногда осложненные согласным $*j$ ($*\bar{a} / j\bar{a}$, $\bar{o} / j\bar{o}$, \bar{i} , i , \bar{u}), остальные состояли из гласных и заканчивающих суффикс согласных ($*en$, men , ent , es , $(t)er$)» (с. 109). В заключительной части своего утверждения авторы превзошли даже Г.А. Хабургаева, который основы на $*-en$ и подобные относил все-таки к нетематическим [Хабургаев, 1974, с. 179 и след.]. Интересно было бы установить, с чьей легкой руки основы на $*-\bar{a}$, $*-\bar{i}$ и подобные стали именоваться тематическими¹, ведь в компаративистике термин «тематическое склонение» утвердился только за склонением $*\bar{o}$ -основ², тем самым подчеркивалась различная роль тематического суффикса и прочих, соответственно: классифицирующая и, возможно, чисто «переводная» (из глагольной в именную парадигму) у $*-\bar{o}$ и семантическая у остальных³.

Есть в книге и то, что можно назвать небрежным отношением к фактам. Так, об Иларионе сказано, что он был первым киевским митрополитом (с. 6); упоминается о католической религии на латинском языке (с. 10); оказывается, что в церковнославянском алфавите с XII-XIII вв. не было буквы *я* (с. 20); повторяется, что старославянский язык возник на основе разговорного языка македонских болгар, как будто начало миссионерской деятельности Первоучителей не было связано с Моравией и Паннонией (с. 28); упоминающаяся на с. 55 точка зрения С.Б. Бернштейна сопровождается ссылкой к учебнику Г.А. Хабургаева; сочетания типа $*tort$ названы дифтонгическими (с. 63). Что касается опечаток, то они, при современном уровне корректоров, к сожалению, неизбежны, ср. греч. *luvkoz*, *fovgoz*.

Последнее мое замечание относится уже к издателям (напомню, что пособие вышло в издательствах «Флинта» и «Наука»). Палеославистика – слишком заметное направление в лингвистике, чтобы публиковать не до конца выверенные книги, тем более такие, которые адресованы будущим учителям. Может быть, стоило бы подумать, например, о переиздании учебников, проверенных временем. Я имею в виду учебники по старославянскому языку А.М. Селищева (1952), Л.М. Матвеевой-Исаевой (1958), Н.М. Елкиной (1960), В.П. Бесединой-Невзоровой (1962), но при этом нужно обязательно сопроводить комментариями, в которых отметить достижения палеославистики второй половины XX в.

Литература

Барроу Т. Санскрит. М., 1976.

Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

Иванова Т.А. Старославянский язык. М., 1977.

1 Это есть уже в учебнике А.М. Селищева [Селищев, 1952, с. 55], но ср.: более корректно подан этот материал в кн.: [Иванова, 1977].

2 См., например: [Шантрен, 1955, с. 22; Барроу, 1976, с. 227; Основы иранского языка, 1979, с. 164].

3 Семантическое обоснование $*\bar{a}$ -основ в научной литературе встречается, видимо, реже всего, но есть интересная работа на эту тему: [Шилдз, 1990].

- Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
- Прохоров Г.М. Глаголица среди миссионерских азбук // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XLV. СПб., 1992.
- Пушкин А.С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М., 1958. Т. VII.
- Селищев А.М. Старославянский язык. М., 1952. Ч. II.
- Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1974.
- Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М., 1955.
- Шилдз К. Заметки о происхождении основообразующих формантов в индоевропейском // Вопросы языкознания. 1990. № 5.

Л.Г. Панин

Новосибирский государственный университет

* * *

Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова, Н.В. Панченко, С.Н. Пешкова, А.А. Чувакин. Основы теории текста / Под общ. ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 2003.

Рецензируемое пособие посвящено серьезной теоретической проблеме – теории текста. В центр своих методологических и методических интересов авторский коллектив поставил коммуникативную сторону данного феномена, используя принцип разграничения текста как объекта и предмета теории текста. Это побудило авторов всесторонне рассмотреть отношение текста к участникам коммуникации; затронуть знаковый характер данного феномена, его отношения к другим текстам и к действительности.

Подобная структура пособия оптимальна, отражает проблемные участки теории текста и теории языка. Это дает возможность обучающимся (студентам-филологам старших курсов, магистрантам, аспирантам) увидеть современное состояние лингвистической науки в области не только объективно сложной, но и «субъективно запутанной». Такое положение вещей не случайно: с одной стороны, статус теории текста в языкознании до сих пор не определен окончательно и непротиворечиво; с другой стороны, наука о тексте (в силу специфики объекта) требует включения знаний из разных областей, следовательно, привлечение разнообразных методик изучения одного и того же; с третьей стороны, границы феномена и его сущность так и не получили непротиворечивого толкования.

Все указанные сложности были максимально учтены авторами пособия. Можно сказать, что даже явные сложности были направлены «во благо, а не во зло». Читательская аудитория получила пособие, позволяющее концентрированно и динамично проследить метаморфозы текстовой теории и самого текста: истоки теории текста, его место в коммуникативной ситуации, семиотическое, семантическое, прагматическое устройство, типы взаимодействия в ракурсе риторики, стилистики, герменевтики, семиотики, функционализма. Знаменательно то, что триада *говорящий – текст – слушающий* присутствует сначала в главе, посвященной истории теории текста, затем – в части, описывающей текст в его отношении к участникам коммуникации. Она анализируется в парадигме риторики, герменевтики, психолингвистики, стилистики, литературоведения, семиотики, лингвистики текста. Ее присутствие ощутимо и в следующей части, в центре которой находится знаковый характер текста.

Принцип возвратности – удачная находка авторов пособия. Его применение позволяет возвращаться к сказанному, каждый раз отмечая разницу научных суждений в рамках той или иной теоретической парадигмы. Не стоит долго распрастраняться, как такой подход важен в книге, предназначенной для студентов и аспирантов.

Эволюционный взгляд на основной объект обусловил динамичность его квалификации: текст определяется в пособии неоднократно. Это дает возможность читателю, сопоставляя разные точки зрения, постепенно подойти к наиболее полному определению, учитывающему коммуникативные, прагматические, семиотические, дискурсивные черты (стр. 31). Такая квалификация отличается от канонического понимания текста, но логика авторов пособия убеждает: признаки *связность, целостность, завершенность, членимость*, традиционно присутствующие в определениях, выявлены при рассмотрении текста «извне». Авторский коллектив рецензируемого пособия, отступив от такого принципа, изначально подошел к объекту своего описания с других позиций – «изнутри», что изменило предмет и привело к иным теоретическим основаниям при его оценке. В частности, рассматривая текст в процессе деятельности участников коммуникации, авторы пришли к необходимости ввести понятие *текстовая (дискурсивная) личность*, подкрепив данный шаг идеями концепции языковой личности В.В. Виноградова и Ю.Н. Караулова. Импонирует понимание текстовой личности как исследовательского конструкта, *системно организованной структуры, функционирующей в условиях речевой коммуникации*, «текстовой» ипостаси говорящего субъекта.

Раздел о знаковом характере текста подчинен следующей логике: обоснование знаковой природы текста (знак и текст), выявление конструктивной организации (членимость, связность, целостность, парадигматические и синтагматические связи), описание семантической организации (семантическое, денотативное, концептуальные пространства), реконструкция коммуникативно-прагматической структуры (фигура говорящего и фигура слушающего, пресуппозиция).

Последний раздел рецензируемого пособия оценивает текст как единицу, направленную «вовне», – к действительности других текстов и к окружающему миру. В этом разделе есть обращение к принципиальным теоретическим моментам, имеющим неоднозначную трактовку. Таковыми, в частности, являются соотношения понятий *понимание – интерпретация – аргументация; образ текста – межтекст – квазитекст – текст* и рассмотрение их в рамках моделей деятельностного, поискового поведения автора-читателя.

Завершается пособие своеобразно, «вместо заключения» авторский коллектив предложил вниманию читателей раздел, содержащий практическую информацию: операциональная ориентированность текста на интерпретативную деятельность читателя (слушателя).

Можно сказать, что здесь предлагается «многоканальное руководство к действию». Разнонаправлено толкуя процесс понимания, авторы создают у читателей (начинающих и зрелых исследователей) установки на интерпретацию текста (герменевтическую, лингвистическую, психолингвистическую), предлагая разбить действия на этапы.

Удобно то, что каждый раздел заканчивается перечнем основных положений, списком основной литературы. Кроме того, в пособии есть и общий список рекомендованной литературы.

Охватывая мысленным взором все содержание рецензируемого пособия, хочется собственный текст развернуть в текстовую действительность и сказать: «Очень своевременная книга!».

Л.О. Бутакова
Омский государственный университет